

В фонетическая сторона его аргументации никак не может быть признана убедительной.

П р и м е ч а н и я

¹ P i s a n i V. A Miscellany of Etymological Notes // Issues in Linguistics / Papers in Honor of H. and R. Kahane. University of Illinois Press, 1973. P. 766-767.

² Ср.: Thesaurus Linguae Latinae. Lipsiae, 1932. Vol. VII. Col. 670-671.

³ Словарь русских народных говоров / Ред. Ф.П.Сороколетов. Л., 1986. Вып. 21. С. 83.

⁴ Thesaurus Linguae Latinae. Vol. VII. Col. 671.

⁵ См.: Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.G.W. Glare. Oxford, 1983. P. 381.

А.И.Зайцев

ГОРАЦИИ О НАЧАЛЕ ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Древнегреческая филология может быть и не создала историю литературы в собственном смысле слова, но задача выстроить известных писателей хотя бы в хронологический ряд была отчетливо осознана уже рано.

Но с кого начинается эта преемственность, преемственность прежде всего поэтов? Мы сейчас точно знаем, что греческая литература начинается с поэм Гомера, но греки, и в частности греческие филологи, в этом уверены не были.

Более того, своеобразная историко-литературная вульгата, отразившаяся, в частности, в биографическом сочинении Гесихия Милетского, называет в качестве первых поэтов Лина — предка Орфея, ученика Лина Памфа, самого Орфея, жившего якобы за одиннадцать поколений до Троянской войны, его ученика Мусея, сына Мусея Евмолпа, Таммириса, Олена из Ликии. При этом в руках филологов в Александрийской библиотеке были тексты стихов,

ходившие под этими именами, и до нас дошли фрагменты — цитаты, а под именем Орфея сохранились Гимны, Аргонавтика — все позднего происхождения.

Однако в древности не все принимали эту поэзию за чистую монету. Уже Геродот говорит: "Гесиод и Гомер, по моему мнению, жили не раньше, как лет за 400 до меня... Поэты, которые, как говорят, старше этих людей, по-моему, родились уже после них" (Herod., II, 53). Аристотель, который в "Поэтике" игнорирует всю литературу этого рода, в De an. gen., II, 1, p. 734, 19 и De anima, I, 5, p. 410b, 28 говорит: *ἐν τοῖς καλοῦμένοις Ὀρφείως ἔστιν*, а в каком-то из экзотерических сочинений, по словам Цицерона (Cic., N.D., I, 38), просто заявляет, что Орфея не было.

На такой же точке зрения стоял и живший в раннеэллинистическую эпоху Эпиген, написавший сочинение *Περὶ τῆς εἰς Ὀρφέα ἀμφερομένης ποιήσεως* (Clem. Al. Strom., I, 333; V, 571).

Как относился к этой проблеме Гораций, уделявший в своей поэзии литературным и литературно-историческим вопросам, наверно, больше внимания, чем все другие дошедшие до нас римские поэты, вместе взятые? Гораций не мог быть совершенно безразличен к вопросу о том, что было до Гомера, если к творчеству Гомера он возвращался в той или иной форме на протяжении всей своей жизни во всех жанрах, в которых он писал.¹ Надо сказать, что суждения Горация по этому вопросу представляются, на первый взгляд, противоречивыми. Приближаясь к завершению своего творческого пути Гораций в девятой оде четвертой книги² говорит о том, что лишь с появлением Гомера подвиги героев сделались достоянием памяти последующих поколений,³ ибо до него не было поэтов, способных запечатлеть даже самые замечательные деяния:⁴

IV.9

Поверь, погибнуть рок не судил словам,
Что я, рожден близ шумного Авфиды,
С досель неведомым искусством
Складывал в песни под звуки лиры.

5 Хотя Гомер и первый в ряду певцов,
Но все же Пиндар, все же гроза-Алкей,

Степенный Стесихор, Кеосец

Скорбный еще не забыт славой.

Не стерло время песен, что пел, шутя,
10 Анакреонт, и дышит досель любовь,

И живы, вверенные струнам,

Пылкие песни лесбийской девы.

Ведь не одна Елена Лаконская

Горела страстью к гостю-любовнику,

15 Пленясь лицом его и платьем,

Роскошью царской и пышной свитой.

И Тевкр не первый стрелы умел пускать

Из луков критских: Троя была не раз

В осаде: не одни сражались

20 Идоменей и Сфенел — герои

В боях, достойных пения Муз: приал

Свирепый Гектор и Деифоб лихой

Не первым тяжкие удары

В битвах за жен и детей сограждан.

25 Немало храбрых до Агамемнона

На свете жило, но, не оплаканы,

Они томятся в вечном мраке —

Вещего не дал им рок поэта

(пер. Н. Гинцбурга).

Гораций всю жизнь был озабочен своей посмертной славой. В этой оде, по мнению комментаторов, ему важно показать, что не только эпос, который он так и не стал писать, приносит славу, но и лирическая поэзия.

Для нас же этот вопрос о сравнительной ценности жанров несуществен. Важно, что Гораций признает абсолютное первенство Гомера: *priores Maeonius tenet sedes Homerus* (v. 5-6), и дальше речь идет о Пиндаре, Алкее, Стесихоре, Симониде и Анакреонте. Слова Горация можно было бы толковать в значении "Гомер — лучший из всех поэтов", но с четвертой по седьмую строфу Гораций все время говорит об одном и том же: до Троянской войны было много примечательных событий, но мы о них ничего не знаем. Герои этих событий не прославлены, ушли в вечность,

так как они *caerent... vate sacro* (v. 28) — у них не было своего поэта, так что первенство Гомера является также и хронологическим.⁵ В сущности, эту же мысль выражает Гораций в первой книге сатир (3, 107—110), т.е. значительно раньше, уже между 41 и 33 гг. до н.э.:

Ибо и прежде Елены велись из-за похоти бабьей
Стыдные войны не раз: но все, кто в скотском порыве
Рвался страсть утолять, от сильной руки погибали
Смертью бесславной — как бык погибает, убитый сильнейшим
(пер. М. Дмитриева).

Но как согласовать это представление о Гомере как родоначальнике поэзии со словами того же Горация в "Послании к Писонам" об Орфее (ст. 391—402):

Первым диких людей от гряды и от пищи кровавой
Стал отвращать Орфей, святой богов толкователь.
Вот почему говорят, что львов укрощал он и тигров,
И Амфион, говорят, фиванские складывал стены,
Двигая камни звуками струн и лирной мольбой,
С места на место ведя. Такова была древняя мудрость:
Общее с частным добро разделять, со священным мирское,
Брак узаконить, конец положив своевольному блуду,
И укреплять города, и законы писать на скрижалях.
Вот откуда пришел почет к пророкам-поэтам
И к песнопениям их! А потом и Гомер знаменитый,⁶
И Тиртей закалили мужей для воинственной брани...
(пер. М. Гаспарова).

В таком же духе говорит Гораций об Орфее дважды в первой книге од:

I, 12, 1—12

Мужа ты какого, героя ль, бога ль
Лирой хочешь петь или резкой флейтой,
Клио? Имя чье повторит повсюду
Эхо шутиливо?

Там, где тень дают Геликона рожи,
Там, где Пинда висит или Гем холодный,
Шли откуда вслед за певцом Орфеем
Рожи покорно?
Матерью учен, замедляя поток он
Бурных рек, ветров умерял порывы;
Шли за ним дубы по следам, внимая
Струнам певучим

(пер. Н. Гинцбурга).

I, 24, 12—15

Пусть рокошет твои лира нежнее той,
Чьим напевам внимал бор зачарованный, —
Не наполнится вновь кровью живительной тень...
(пер. О. Румера).

Посмотрим на эти тексты пристальнее: в одах Гораций принимает легенду о власти Орфея над самой природой, а в "Послании к Писонам" пытается объяснить эту легенду рационалистически, сведя заслуги Орфея к религиозно санкционированному смягчению нравов диких людей. Орфей помещен в том же хронологическом плане, что и чудесный основатель Фив Амфион.

Такое фантастическое представление об Орфее никак не гармонирует с идеей о том, что произведения Орфея были записаны, безразлично кем — им самим или кем-то другим, и их еще и сейчас можно прочесть. Гораций не верил в подлинность стихов, приписывавшихся Орфею. Таким образом, противоречие у Горация лишь кажущееся. Гораций принимал мифическую традицию об Орфее — певце и музыканте, но в вопросах литературных главным авторитетом для него был Неоптолем из Пария,⁷ от которого он, по-видимому, и воспринял представленную для нас высказываниями Геродота и Аристотеля здравую точку зрения на орфические сочинения.

Для Горация греческая поэзия начиналась, как и для нас, с поэм Гомера.

Примечания

¹ См.: R o n s o n i A. Omero nella interpretazione di Orazio // Studi classici in onore di Quintino Cataudella. Catania, 1972. Vol. III. P. 295-306; G l o m b o w s k a Z. Horazjuczowa interpretacja "Iliady" // Meander. 1988. Vol. 43, N 4/5. S. 197-212.

² См.: R a d i k e G. Le carmen Lollianum d'Horace // Latomus. 1986. T. 45, N 4. P. 768-782.

³ Гораций, по-видимому, развивает мысль Проперция (Ш, I, 25 слл). См.: S o l u s e n Fr. Propertius and Horace // Classical Philology. 1948. Vol. 43. P. 105-109.

⁴ См.: Q. H o r a t i u s Flaccus. Oden und Epoden / Neunte Aufl. bes. von R. Heinze. Berlin, 1958, ad locum.

⁵ P u t n a m M.C.J. Artifices of eternity: Horace's fourth book of Odes. Ithaca; London, 1986. P. 161.

⁶ B r i n k C.O. Horace on poetry: Prolegomena to the literary epistles. Cambridge, 1963. P. 132-134.

⁷ Ibid. P. 43 ff.

А.Б.Черняк

ХИТРЫЙ КВИНКВЕВИР

(Hor., S., II, 5, 55-57)

Рассматриваемый в статье пассаж принадлежит весьма примечательному эпизоду знаменитой сатиры о ловцах завещаний (сартаторес), самой "ювеналовской"¹ из всего, что написал Гораций по непримиримости к бичуемому пороку и по хлесткости тона, за которой не угадывается обычного для поэта снисхождения к человеческим слабостям.² Отвечая на вопрос Одиссея, как ему возместить ущерб, нанесенный женихами в его отсутствие, тень Тиресия (действие сатиры переносит нас в мир гомеровских образов и даже еще дальше, в царство Прозерпины, где Одиссей вызывает души мертвых; ср. Od., II, 100-149) неожиданно советует

© А.Б.Черняк, 1992